

Асен Игнатов

Отрицание и имитация: две стороны коммунистического отношения к религии*

Марксистско-ленинское мировоззрение имеет двойственную, внешне даже противоречивую природу. С одной стороны, оно явно атеистично. С другой – в нем удивительным образом проявляются религиозные, а точнее, христианские или близкие к христианству черты.

I. Безбожие марксизма-ленинизма не подлежит сомнению. Это явный, неприкрытый, более того – воинствующий атеизм.

Марксисты-ленинцы (далее я употребляю термины “марксизм-ленинизм”, просто “ленинизм” и “коммунизм” как синонимы) понимают религию как фантазмагорическое, превратное отражение природной и социальной действительности. Они отрицают существование Бога, бессмертие души и воскресение, вообще не признают трансценденции. Хотя ленинизм и утверждает независимость философии от естественных наук, сам способ его мышления и обоснования проникнут натуралистически-сциентистским духом – Густав Веттер справедливо отмечал наличие позитивистских моментов в марксизме¹. Аргументация опирается на “данные естествознания”, а из этих данных следует якобы, что ни Бога, ни трансценденции не существует, поскольку: а) наука показала, что в мире нет ничего кроме материи и движения, и, стало быть, никакой сверхчувственной, неведомой действительности²; и б) мир безначален и бесконечен в пространстве и во времени – что следует из закона сохранения материи и энергии – и значит, мир не создан Богом³.

Сюда же относятся два аргумента, носящих уже не собственно научный, а философский характер. Первый гласит: мир для своего объяснения не нуждается в какой-то инстанции, стоящей над ним. Мир – причина самого себя, *causa sui*. Второй аргумент состоит в сведении идеи Бога к известной нам реальности. Эта

* Доклад в рамках конференции «Христианство и тоталитарные вызовы 20-го столетия (Айхштетт, октябрь 2000 г.).

¹ Ср.: Wetter G.A. *Der dialektische Materialismus. Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion*. Freiburg, 1952. S. 17-18.

² Ср.: Marx K., Engels F. *Werke*. Bd.21, (Ost-)Berlin, 1981, S. 272, 277.

³ Ср.: *Grundlagen der marxistischen Philosophie*. (Ost-)Berlin, 1961. S. 142.

идея, с точки зрения марксистов, оказывается результатом беспочвенной абсолютизации неких элементов мира, которые сами по себе вполне реальны⁴.

При этом марксисты-ленинцы считают себя последовательными, а точнее сказать, *единственно последовательными* атеистами. Коммунистический атеизм никогда не делает тех словесных, терминологических уступок религии, которые допускали Фейербах и другие предшественники Маркса⁵. В этом марксистско-ленинский атеизм превосходит как философию Спинозы (чей пантеизм есть не что иное как более или менее осторожно выраженный атеизм), так и агностицизм, нередко выступающий в виде “стыдливого материализма”.

Марксистско-ленинский атеизм – это воинствующий атеизм, *atheismus militans*. Воинственность сказывается прежде всего на теоретическом уровне, в ярко выраженной, но очевидно необоснованной идеологической подозрительности по отношению к “замаскированным формам” религии. Ленину они мерещатся всюду. Ему достаточно обнаружить, что то или иное учение “ведет к религии” (причем часто такой вывод делается попросту ложным путем), и для него это учение перестает существовать. При этом коммунистический атеизм отластается фанатической беспощадностью к религии. Ленинский атеизм как небо от земли далек от того приватного свободомыслия а-ля Шопенгауэр или Бертран Рассел, которое свысока посмеивается над предрассудками толпы, но не навязывает этой толпе своей мудрости. Нет, здесь перед нами – рьяный прозелит, желающий обратить заблудших. Особенно безжалостно обходится он с теми социал-демократами, у которых обнаруживаются какие-либо религиозные тенденции. Именно “ошибки” единомышленников побуждают его к совершенно чрезмерным нападениям, бесплодным даже с атеистической точки зрения. В своей переписке с Максимом Горьким, осудив его за “уклоны”, Ленин называет религию “невыразимейшей мерзостью” и “труположеством”⁶; мы при всем желании не можем понять, что привело его к подобным заключениям. Ненависть играет с Лениным дурную шутку: чудовищное сравнение, выбранное им для религии, несет в себе лишь эмоциональный, рационально не постижимый пафос, но – никакой содержательной критики. Неподражаемо также и ленинское примечание к одному из мест в гегелевской логике: “Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!!”⁷.

В тесной связи с гордой убежденностью марксизма в собственном превосходстве над другими разновидностями атеизма стоит также и его притязания на то, чтобы не просто *опровергнуть*, но еще и *объяснить* религию. А именно, марксизм раскрывает социальные корни религии, тем самым отвечая на вопрос: почему религия столь стойка в своих утверждениях? Марксизм дает объяснение

⁴ Ср. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Философские тетради. М., 1963, Т. 29, С. 322.

⁵ Marx K., Engels F. Ibid., S. 283.

⁶ Ленин В.И. Цит. изд. М., 1964. Т. 48. С. 226.

⁷ Ленин В.И. Цит. изд. Т. 29. С. 267.

факту, которого не понимали домарксистские атеисты: а именно, тому, что никакая просветительская работа, никакая антирелигиозная пропаганда не ниспровергнет “религиозных предрассудков” до тех пор, пока не исчезли корни религии – эксплуатация человека человеком и вытекающая из нее потребность угнетенных в утешении. Кто не понимает этой закономерности, тот остается материалистом “приготовительного класса”.

Тем самым марксизм-ленинизм обосновывает и необходимость революционной борьбы против капитализма, что характеризует только коммунистический атеизм. Коммунистический атеизм – единственная разновидность атеизма, который делает подобные выводы и *находит свое практическое завершение в политической борьбе*. Беспрецедентное – со времен Нерона – преследование христиан при коммунистических режимах составляет особую громадную тему, которую подробнее будут обсуждать мои коллеги. Я лишь напоминаю о нем постольку, поскольку репрессии против церкви и христиан, порожденные специфической коммунистической разновидностью атеизма, проливают яркий свет на природу самого коммунистического атеизма.

“Нерасторжимое единство” борьбы против религии и борьбы против капитализма объясняет тот фанатизм, с которым коммунисты вели эту борьбу. Антицерковные настроения доходят до пароксизма, обретают неслыханное до сих пор выражение в цитированном нами письме Ленина к Горькому. Священник, живущий образцовой, добропорядочной жизнью, по Ленину, хуже священника „расплевавшего девушек“, ибо его отрицательная роль в обществе куда труднее поддается разоблачению⁸.

II. Ленинизм – это агрессивный, воинствующий атеизм. Но почти так же очевидно, что по другую сторону своей непримиримой борьбы с религией он поразительно сближается с ней. С одной стороны, ленинский атеизм *отрицает* религию вообще и в особенности христианство, с другой – он *подражает* христианству. Все основные элементы того духовного, психологического, эмоционального, практического и религиозного комплекса, который мы называем словом “христианство”, находят себе соответствия в коммунизме. А именно, коммунизм не признает *трансценденции*, но у него есть своя замена для нее (история, чьи законы соответствуют предопределению у христиан). У коммунистов есть своя *эсхатология*, представления о *царствии небесном* (коммунистическое провозвестие о грядущем бесклассовом гармоничном обществе), своя *дихотомия добра и зла* (пролетариат и буржуазия), свои великие *пророки и апостолы* (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун), свои *святые и мученики* (пламенные революционеры), свои *святыни* (Смольный, Кремль), свои *обряды и молитвы* (партийные съезды, годовщины великих событий, памятные мероприятия, лозунги), своя

церковь (партия) с соответствующей *церковной иерархией* (ЦК) и даже – в противовес всему этому – свои *еретики* (уклонисты).

Иногда коммунизм кажется *пародией* на христианство. Но всякая пародия свидетельствует о зависимости пародиста от пародируемого. Пародия показывает, что коммунизм, несмотря на горячее отрицание христианства, подражает ему. Это явно указывает на *христианское* происхождение *антихристианского* коммунизма. Впрочем, давно известно, что предшествовавший коммунизму социализм был *suī generis* наследником христианства: первые христианские социалисты, такие, как Пьер Леру или Фелисите Ламенне, ссылались на христианскую мораль. И в метафизически-мировоззренческом плане враждебность коммунистов к христианской религии так велика именно потому, что это не борьба простого, чисто негативного безбожия против религии, а *борьба одной религии против другой*, битва богов, и в этом смысле – настоящая религиозная война. Коммунизм – это одновременно и уродливое детище христианства, и его палач.

Коммунистический атеизм имеет и другую особенность, принадлежащую *только ему* и отличающую его от других форм атеизма. А именно, *это единственная анти-гедонистическая разновидность атеизма*. Если классические атеисты, например, французские энциклопедисты, ратовали за “освобождение плоти” и объявляли всякую сексуальную воздержанность глупостью (или ханжеством), классический коммунизм со всей строгостью (не считая краткого периода вседозволенности) следовал подлинно аскетическим, пуританским нормам жизни. В этом отношении коммунизм продолжил линию нигилистов (“революционных демократов”)⁹. Русские коммунисты, единственные из всех безбожников, призывали к едва ли не монашеской строгости жизни (Калинин, Макаренко). Это *a fortiori* свидетельствует о подражании коммунизма христианству.

III. Превращение атеизма в некую *противо-веру*, в *антихристианскую эрзац-религию*, заимствование коммунизмом религиозных функций, является результатом секуляризации. Секуляризация традиционного средневекового духовного универсума нашла свое наиболее радикальное (хотя и вовсе не необходимое) выражение в отрицании трансценденции. Утрата трансценденции, в свою очередь, вела в духовную и душевную пустыню. Обезбоженному миру человек отвечал чувством пустоты, неким космическим ознобом. Поскольку потребность в вере оставалась неискоренимой, а традиционный христианский путь к ее удовлетворению был закрыт по вышеуказанной причине – из-за окончательной секуляризации, – постольку ситуация благоприятствовала появлению разного рода суррога-

⁸ Ленин В.И. Цит. изд. Т. 48. С. 227.

⁹Бердяев Н. *Правда и ложь коммунизма. С приложением: Человек и техника* (на немецком языке: Berdiaev N.: *Wahrheit und Lüge des Kommunismus. Der Mensch und die Technik*. Luzern, 1934, S. 44).

тов, эрзац-религий, ценностей, нацеленных на имманентные земные блага, которые, однако, возводились в ранг псевдо-трансценденций. Эти эрзац-религии могли оказывать на человека окрыляющее, мнимо-одухотворяющее воздействие, также сходное с воздействием религии.

Коммунистическая эрзац-религия была особенно приспособлена осуществлять эти функции, ибо выступала с притязаниями на всеохватное знание и всячески прокламировала единство созерцания и действия, теории и практики.

Николай Бердяев – по моему мнению, наиболее тонкий аналитик коммунизма – настойчиво подчеркивает один частный аспект этой эрзац-религиозной роли коммунизма. Христианство, по Бердяеву, оказалось несостоятельным (из дальнейших рассуждений, однако, становится ясным, что Бердяев имеет в виду не *христианство* как религию, а сообщество *христиан*). Христиане не осуществили идеалов братства, справедливости и любви к ближнему, предали их, свели к риторической условности. Этот-то вакуум как раз и заполнил коммунизм. “Злые силы” попытались осуществить христианские ценности¹⁰. При этих обстоятельствах многие люди, утратившие веру, но нуждающиеся в ней, обратились к коммунизму. Ибо коммунизм отрицал Бога, душу, дух, но во многих отношениях имитировал христианство.

Можно сказать, что коммунизм здесь выступает как исполнитель христианского Завета.

IV. При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что коммунистическое подражание христианству *избирательно*. Каким же аспектам христианства подражает коммунизм?

Это справедливость, братство, равенство, любовь к бедным, преследуемым, угнетенным, “униженным и оскорбленным”, их нравственное возвеличивание, обличение жадности богачей и дельцов, господства “презренного металла”, утверждение целомудрия, моногамии, брака и семьи. Иными словами, это многие из предписаний христианской морали и христианской трактовки общества. Коммунисты повторяют – с некоторыми словесными нюансами – христианские заповеди (причем об источнике или умалчивают, или старательно отрекаются от него: подобный социальный пафос был-де свойствен лишь раннему христианству и т.п.).

Другие заповеди христианства встречают решительное неприятие марксизма-ленинизма. Прежде всего это любовь к ближнему и отказ от противления злу силой. Применение насилия против классового врага, ненависть к нему, участие в классовой борьбе составляют высокий нравственный долг. Реакционная роль христианства состоит по коммунистической теории именно в том, что оно парализует революционную волю масс и тем самым играет на руку эксплуататорам.

А что касается ядра христианства, то есть веры в Бога и теологически-метафизического обоснования бытия Божия, то коммунизм отбрасывает все это *en bloc*. Итак, здесь не может идти речи о существовании Бога, о бессмертии и воскресении. Как я уже говорил, суррогатные боги имелись, но ни один из них не имел с Богом ничего общего.

Мы можем проиллюстрировать это еще конкретнее. Коммунисту вполне импонируют евангельские слова вроде: “Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие”¹¹, или: в общине нет “ни раба, ни свободного”¹². “Очищение храма”, изгнание менял и торговцев встречает его спонтанную поддержку. Эти места из Евангелий могут даже благожелательно цитироваться в сталинской публицистике (хотя, конечно, только в метафорическом смысле). Но другие евангельские слова коммунисты с возмущением отвергают, приводя их как примеры социальной опасности христианства. Сюда относятся следующие заповеди Христовы: “Не собирайте себе сокровищ на земле [...] но собирайте себе сокровища на небе”¹³, “Ударившему тебя по щеке подставь и другую”¹⁴, “Любите врагов ваших”¹⁵, и особенно – “Все, взявшие меч, мечом погибнут”¹⁶. В этом последнем утверждении коммунист видит прямое отрицание классовой борьбы.

Избирательное подражание христианству приводит к тому, что коммунизм пытается осуществить справедливость, братство и равенство *без* любви к ближнему и *без* Бога, то есть реализовать социальный идеал без соответствующих ему средств и без его сущностной основы.

Но путь к претворению этого идеала в жизнь не может быть нравственно недостойным; с другой стороны, Бог есть источник и основа этого идеала. Абсурдность коммунистического подражания христианству состоит в двух допущениях. Во-первых: братская *любовь* между людьми может, как считается, победить *благодаря ненависти* в классовой борьбе. Во-вторых: жизнь общества, *наполненная смыслом*, может, якобы, быть достигнута в *обесмысленном* обезбоженном мире.

V. Все это заново ставит вопрос о той “последовательности” марксистско-ленинского атеизма, которой так гордятся его последователи.

Коммунистический атеизм на деле весьма последователен, но лишь в том смысле, что его главный тезис сформулирован категорично и безапелляционно: Бога нет, нет ни бессмертия, ни воскресения, единственный мир – это наш мате-

¹⁰ Ibid, S. 7-8.

¹¹ Лк. 18, 25.

¹² Гал. 3, 28.

¹³ Мф. 6, 19-20.

¹⁴ Лк. 6, 29.

¹⁵ Лк. 6, 27.

¹⁶ Мф. 26, 52.

риальный мир, никем не созданный и существующий извечно. Этот тезис не знает никаких “возможно”, “насколько нам известно”, ему чужды утверждения вроде: “Бог – великолепная гипотеза”, “Бог - это что-то во мне”, “Бог – это всё хорошее, что есть в человеке”; он не признает никаких возражений, оговорок и допущений, которыми обставляет свои формулировки атеизм всех других направлений. Это атеизм без “если” и “но”, *атеизм – и точка*. На это настроен весь его воинственный, разрушительный пафос, который, впрочем, имеет разные степени (некоторых экстремистов вроде Емельяна Ярославского с его “Союзом воинствующих безбожников” партия иногда даже считала нужным призвать к порядку).

С логической точки зрения коммунистический атеизм непоследователен в другом. Речь идет об умозаклчениях, которые с неизбежностью следуют из главного тезиса атеистов, но которых *сам он не предусматривал*. Ибо из радикального отрицания трансценденции следует столь же радикальная бессмысленность всего сущего, включая и жизнь, и устремления человека, и его деятельность. Вопреки своей собственной логике коммунизм указывает такой идеал, борьба во имя которого придает жизни смысл. Вообще коммунизм разрабатывает положительные образцы, и они иногда звучат почти по-христиански, даже по-монашески.

Если кто-то из атеистов мыслит действительно последовательно, то это не коммунисты, а представители французского атеистического экзистенциализма. Они не останавливаются на полпути, но имеют мужество пойти дальше, пусть даже местность вдоль дороги становится страшноватой. Сартр понимает экзистенциализм как такое учение, которое без недомолвок делает все выводы из отрицания бытия Бога. Классический атеизм разрушил понятие Бога – но не понятие сущностей, всеобщих “эссенций”¹⁷. Эта ошибка, по Сартру, характерна для французской прогрессистской традиции, которая отрицала Бога и вместе с тем лишь секуляризировала мораль, “общество”, “ценности”, но не подвергала сомнению само их существование¹⁸. Атеистический экзистенциализм рассуждает более логично¹⁹. По Сартру, здесь нет места половинчатости: вместе с исчезновением Бога исчезают и все “умопостигаемые сущности”; Достоевский говорит: “Если Бога нет, все дозволено”. *Атеист* Сартр не только полностью принимает это утверждение *христианина* Достоевского, но говорит также: “Это – исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если Бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне”²⁰. Нет всеобщей морали, которая в случае трудного нравственного выбора могла бы

¹⁷ Ср. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / *Сумерки богов*. М., 1989, С. 319 сл.

¹⁸ Ср. там же, С.322.

¹⁹ Ср. там же, С. 320.

²⁰ Там же, С. 327.

предписать человеку, как ему следует поступать²¹. Мир бессмыслен. Камю говорит это еще более отчетливо: мир и жизнь – абсурдны²².

Конечно, коммунисты никогда не согласились бы, что действительность не дает человеку никаких опор, никаких исходных точек. Напротив, они твердо верят в то, что социальная действительность предоставляет “правильному действию” не просто основание, но некий неколебимый фундамент, а именно, “законы истории”. Коммунисты так же резко возражают против отрицания всеобщих обязательных норм, как и против невозможности различения добра и зла. Они борются против этих экзистенциалистских тезисов как “декадентских”.

Атеистическое учение Сартра и Камю по своему содержанию в корне ложно. Однако образцовая интеллектуальная честность их мысли заслуживает похвалы. Их заслуга в том, что они безжалостно довели до конца все нигилистические выводы, которые следовали из их атеизма, выразили их с полной ясностью. У них хватило мужества взять на себя интеллектуальную ответственность за ту жизненную установку, которая следовала из их учений. Они не прибегали ни к двусмысленностям, ни к полумерам. Можно сожалеть о том, какие именно идеи они отстаивали, но нельзя не уважать их за то, что истинного содержания этих идей они никогда не пытались затушевать.

Интеллектуальное превосходство экзистенциалистского атеизма над коммунистическим состоит в том, что он признавал: рассуждая последовательно, от *отрицания* религии путь к ее *имитации* закрыт.

Эпоха великого противостояния либерального Запада и коммунистического блока на Востоке породила одно примечательное явление в области идейной борьбы. И христиане, и коммунисты осуждали экзистенциализм – с разных позиций, но при помощи сходных аргументов. Коммунисты обращали против экзистенциалистов те же доводы, которые выдвигали христиане против самих коммунистов. Сами же экзистенциалисты осуждали как христианские, так и коммунистические учения: для них различия второстепенны, ибо речь идет о двух религиях. Со своей стороны, коммунистические авторы утверждали, что противоречие между католиками и экзистенциалистами мнимое: это противоречие между лицемерной моралью христиан и открытым имморализмом экзистенциалистов. Были и такие христианские авторы, которые усматривали сущностное родство между марксизмом и экзистенциализмом. (Это были две формы безбожия).

Такая зеркальная смена ролей, где каждый из участников видит в двух других неразлучную пару друзей, повязанных общей неправдой, часто практикуется в жестко идеологизированных научно-философских спорах, когда кто-то претендует на единоличное обладание истиной, да к тому же еще и всей полнотой истины.

²¹ Там же, С.329 сл.

²² Ср. Камю А. Миф о Сизифе / Там же, С.222 сл.

Хотя коммунистический атеизм в своей концепции и менее последователен, чем экзистенциалистский, он, разумеется, представляет большую опасность для христианства. Влияние экзистенциалистов ограничивалось несколькими кафе в Латинском квартале Парижа и им подобными замкнутыми кружками в других западноевропейских столицах и университетских городах. Сартр и Камю обращались к литературной богеме, к ярким, но малочисленным интеллектуалам, бунтарям и аутсайдерам. Напротив, коммунистический атеизм – именно потому, что он имитировал религию, – охватил широкие массы. Позднее, когда коммунисты пришли к власти, они методами грубого насилия попытались вообще уничтожить церковь и христианство.

Экзистенциалисты не могли и не собирались этого делать. В их распоряжении не было КГБ. Но кроме того, они – за редкими исключениями – оставались верны либеральной западной терпимости и, отрицая христианство, не вели с ним религиозных войн.

В заключение можно сказать, что с распадом коммунизма наиболее агрессивная разновидность атеизма, единственное атеистическое учение, которое в течение долгого времени было государственной доктриной, исчезло – хотя бы на ближайшее обозримое время.